

АТИЛЛА САДЫКОВ

ПОД СЕНЬЮ РУБЦОВСКОГО ДРЕВА

Памяти поэта Вячеслава Богданова

Со мною что-то стряслось, и я вдруг заговорил прозой. Наверное, это оттого, что слишком много времени я носил в себе груз непридуманных живых рассказов моих собратьев по перу из литобъединения “Металлург” об их личных встречах с поэтом Николаем Рубцовым. Преломлённые через мою душу, эти рассказы жглись друг о друга и вырывались из груди наружу, прямо-таки просились к перу и бумаге. Но я то и дело сдерживал себя и задавался вопросами: “А что же это получится у меня – Рубцов глазами моих друзей? Отражение с отражения? Позвольте, позвольте, да имеется ли в этом надобность?”

Однако мой внутренний голос денно и ночью упрямо твердил мне: “Послушайся меня! Все истинные поэты накрепко связаны незримыми нитями, словно звенья одной цепочки: своими судьбами, биографиями, выстраданными строчками. Вот, посмотри сам: у Рубцова и у твоих собратьев-челябинцев схожие судьбы – голодное военное и послевоенное детство, сиротство, раннее взросление в заводских цехах и общежитиях. И разве случайно то, что вы встретились с Рубцовым и его поэзией именно в начале шестидесятых годов, в пору самых тяжких невзгод для него, и оказали ему (кстати, очень вовремя!) моральную и материальную поддержку, делились с ним последним куском хлеба? И разве случайно написал об этом известный русский поэт Василий Фёдоров крепкие запоминающиеся строки: “...Поэты, как планеты, // Взаимно притяжимы – // ... Слетит один с орбиты // – Несдобровать другому!”

Сказано очень верно и убедительно. Ещё раз поразмыслив я, почитатель Николая Рубцова, с помощью своих друзей вхожу сегодня в волшебный мир его поэзии, распахиваю настежь дверь в знаменитое общежитие Литературного института, в котором и мне довелось проживать в начале 80-х и послушаться разных былей и небылиц о похождениях моего героя. Вхожу, словно в сказку, в которой все молодцы, как Рубцов, в которой поэты не разучились удивляться, радоваться чужой удаче. И пусть Николай Рубцов предстанет таким, каким он утвердился в памяти моих друзей: может быть, не таким ершистым, раздражительным, нередко неуживчивым и разозлённым, каким он был в действительности. Суть не в этом. Главное – он нёс людям добрый свет.

Сам Николай Рубцов, говоря в стихах о своей колючести и трудном характере, не забыл, однако, сжатой формулой выразить суть: “Поэт несколько не опасен, // Пока его не разозлят”. Эти строчки оказались крылатыми. А толчком к их написанию послужила не очень-то спокойная жизнь поэта в Москве, в общежитии Литинститута на улице Добролюбова (дважды его исключали из

этого вуза, переводили на заочное отделение, восстанавливали со скрипом на очном – Рубцов был слишком индивидуален и, по мнению блюстителей строгих порядков, вносил смуту в ряды студентов). Но об этом периоде его жизни пусть расскажут те, кто был в ту пору рядом с Рубцовым и давал ему деньги на хлеб, на чай, а иногда на более крепкие напитки. Одним из таких близких по духу и верных друзей Николая Рубцова был наш уральский поэт Вячеслав Богданов.

Вспоминается лето шестьдесят девятого. Вячеслав только что прилетел из Москвы. Он был в то время руководителем нашего заводского литобъединения “Металлург”. Полнолицый, голубоглазый, с разбухшими от ветров и морозов ручищами, прошедший многолетнюю закалку на высотах коксохима Челябинского металлургического, он знал цену настоящей мужской дружбе и поэтическому слову. Его пронзительно честные, проникновенные стихи об Урале, о родимой деревне, о судьбах крестьян в горестные военные и послевоенные годы заметили мастера поэтического цеха Людмила Татьяничева и Василий Фёдоров, помогли автору выпустить книги, возможно памятуя пушкинскую фразу: “Хорошо помогать лошади, которая и сама тянет увесистый воз!”

Открытый первыми удачами, Вячеслав круто набирал высоту, надёжно сплавляя тамбовское деревенское речение с говором уральского городского рабочего люда: “В шестнадцать лет покинул я село, // но в двадцать восемь не приехал в город”; “Я в мир пришёл творить, а не рыдать, // века и так к нам на слезах приплыли”. Это как-то сближало поэзию Богданова с поэзией Рубцова, нередко их фамилии ставили рядом в обзорах русской современной поэзии. Дух соперничества поэтов витал над нами, но мы отращивали крылья под сенью рубцовского древа. . .

Однако вернёмся к буйно цветущему скверу возле Дворца культуры челябинских металлургов, где мы, литовцы, несмотря на каникулы, собрались на встречу с Вячеславом Богдановым. Его рассказ о поездке к Николаю Рубцову я записал почти дословно, потому передаю слово ему, и пусть были и небыли о Рубцове прозвучат в его исполнении.

“Взбираюсь на пятый этаж общаги Литинститута, нахожу нужную комнату. Дым стоит коромыслом. Студенты сидят кто где: на диванах, на табуретках, на полу. Словом, пиршество в разгаре. Во главе стола – Николай, уже изрядно нагруженный спиртным, рядом с ним Боря Чулков, поэт из Вологды, Цехил Камалов из Дагестана – поэт и драматург, студент из Монголии со странной кличкой “Солидол”. Словом, народ разношёрстный, пишущий и пьющий.

– У козлёнка – вот беда – // отрастает борода, и козлёнка прямо с детства // можно дедушкой звать. . . – прочитал Солидол. Рубцов рассмеялся, он ценил юмор. Следом рассмеялись и другие. Довольный хозяин обвёл взглядом присутствующих, уставился в меня:

– Теперь твоя очередь радовать нас, Вячеслав. . .

Я прочёл два стихотворения – “О России” и “Конь”, – жестами словно бы раздвигая комнату. Студенты выжидательно посмотрели на Рубцова: только он мог, по их мнению, вынести “приговор”. Тот покрутил в руке фарфоровую зелёную китайскую пиалу, бережно поставил её на стол, подумал с минуту и выдохнул:

– “Конь” у тебя смотрится, Вячеслав, строчки светятся, я даже с ходу запомнил:

*...И вот ты снова рвёшься на дыбы
И мечешься, как будто от удущья,
Но две оглобли,
Как конвойных
ружья,
Стоят на страже у твоей судьбы...*

– Живым пахнет, живым пахнет, – пропел он, и ему вторили его друзья:

– Да-да, действительно, он не повторил тебя, Коля, нашёл свой поворот темы, хотя до твоей “Судьбы” не дотянул. . .

Рубцов усмехнулся, спросил:

— А кстати, “Судьбу”-то мою знаешь?

Я кивнул. И тут же полностью прочёл вслух его “Судьбу” — о том, как лучшего скакуна в округе кастрировали, впрягли в телегу и приказали возить кирпичи на стройку:

*...И упал он, весь пылая и дрожа,
Под огонь
ветеринарного
ножа.
И поднялся он, тяжёл и невесом.
Покатилось колесо за колесом.*

— Шестьдесят второй год, Коля! — восхищённо сказал Цехил Камалов. — Подумать только! Семь лет назад написано!

Как примагниченные, ребята плотнее жались друг к другу: в образе коня они видели образ России, из которой вырезали цвет нации. Поэты Есенин, Гумилёв, Мандельштам, Николай Клюев, Борис Корнилов, Павел Васильев — велик и тяжёлок скорбный список. Слово “колесо” в контексте стихотворения прозвучало трагически-зловеще.

— Молодец, Коля! — воскликнул кто-то из студентов.

— Да я сам знаю, что молодец, — с улыбкой отвечал польщённый автор. Однако собутыльник не унимался, он единым духом зачитал пушкинское восьмистишие о коне:

*Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле чистом и широком
Своенравно не скачи.
Всё равно тебя заставлю
Я смириться под собой,
В мерный круг твой бег направлю,
Укороченной уздой...*

— Ведь это же гораздо слабее твоей “Судьбы”!

— Ты Пушкина не тронь! — резко перебил Рубцов. — Все мы ему тут, вместе взятые, в подмётки не годимся! — и жадно, вздохнув допив порцию “зубровки”, тяжело выдохнул:

— Эх, юноши, юноши...

Под навалившимся гнётом тишины неожиданно прозвучали две строчки Евтушенко: “По ночам — какие суки бабы, // По утрам — какие суки мы!” Николай ухмыльнулся и тихо произнёс: “Может быть, вот эти две строчки от него и останутся... А остальное у него всё наносное, от Маяковского. Чересчур политизирован. Вот, скажем, “Братская ГЭС” — сплошное графоманство. Декабристы, Чернышевский, Герцен — не люблю, когда историю государства Российского переписывают рифмами. Да ещё катаются по загранкам, а на какие шиши?”

Вообще тема “катания по загранкам” его очень забавляла. “Нужно путешествовать внутри себя, в своей душе, искать сюжеты в исконно русском слове, — нередко говаривал он. — Пристало ли нам, порушившим российские церкви и монастыри — нашу неуываемую красоту и духовную крепость — глядеть на какие-то египетские пирамиды?”

Он зло сверкал глазами, понемногу успокаивался. Бережно, словно ребёнка, умащивал на коленях выдавшую виды хромку с разноцветными мехами, рассыпал пальцы по кнопкам и протяжно, задушевно пел свои песни”.

Вот таким запомнился мне рассказ Вячеслава Богданова о духовном брате и удивительном поэте Николае Рубцове, великие тайны поэзии которого он стремился постичь всю свою сознательную жизнь.